

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКЛОННОСТИ ПОДРОСТКОВ К ДЕСТРУКТИВНЫМ ВИДАМ АКТИВНОСТИ

Е. В. Харитоновна, Е. В. Суслина

Харитоновна Евгения Владимировна.

E-mail: vеха_2000@mail.ru. ORCID 0000-0002-8222-2162

Суслина Елена Валериевна.

E-mail: elena.suslina2012@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1000-2320

Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных особенностей склонности подростков к деструктивным видам активности. Показано, что стремительное техническое усложнение мира не совпадает с темпами развития духовности и нравственности человечества, что влечет за собой обрыв корней и традиций, кризис и разрушение культуры, превозносящей и навязывающей безудержное потребление. Молодежь чаще других выражает свой протест против психологии потребительства западного общества, зачастую выбирая деструктивные виды активности. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о неоднородности выборки подростков как по параметрам предпочтения личностью в выборе деструктивных видов активности, так и личностным и гендерным характеристикам. В качестве методик исследования были применены: опросник склонности к отклоняющему поведению (А.Н.Орел), тест самооценки личных зависимостей (В.Леви); опросник «Диагностика аддиктивно-девиантных личностных типов» (Дж.М.Олдхэм, Луи Б.Моррис); методика С.Бэм в модификации О.Г.Лопуховой по определению психологического пола личности; анкета, разработанная Краснодарским отделением Института социологии Российской академии наук, посвященная отношению молодежи к политике. В процессе кластерного анализа в выборке получено пять кластеров, из них два — смешанных по полу, два — мужских и один — женский. В целом кластеры отличаются друг от друга по степени выраженности как параметров отклоняющегося поведения, так и личностным характеристикам. Из пяти личностных стилей поведения подростков с разной склонностью к деструктивной активности лишь один (3-й кластер) демонстрирует нормативную активность, остальные четыре — разные виды деструктивной активности: кластер 1 (смешанный по полу) — аддиктивное поведение, зависимость от родителей и общения; кластер 2 (мужской) — агрессию, зависимость от родителей; кластер 4 (мужской) — сверхдеятельность (при одновременной склонности к замкнутости и подверженности садистскому расстройству), агрессию, склонность к конфликтному реагированию; кластер 5 (женский) — бдительность, чувственность, преданность, зависимость от похвалы и успеха. Выявленные особенности позволяют расширить имеющиеся представления о причинах и особенностях проявления личностью деструктивных видов активности. В статье показано, что выявленные особенности позволяют в дальнейшем своевременно выявлять группы риска в среде молодежи, предрасположенных к выбору деструктивных видов активности и организовывать их адекватное психолого-педагогическое сопровождение.

Ключевые слова: подростки, деструктивная активность, склонность к отклоняющему поведению, личные зависимости, аддиктивно-девиантные личностные типы, психологический пол личности; отношение молодежи к политике.

Постановка проблемы и актуальность исследования

XXI век — время выдающихся научных открытий, экономического роста и повышения уровня жизни. Кроме того, XXI век — время трагических событий, возникновения «нового» терроризма, цветных революций и проявления новых форм деструктивной активности личности. Это время, когда деструктивная деятельность

человека приобретает невиданные ранее масштабы. В мире человека, состоящем из эмпирической, социально-культурной и экзистенциальной реальностей, ещё не так давно буквально нельзя было предвещать жизнь мобильных телефонных аппаратов, сферы онлайн, всплеска терроризма и иных особых симптомов нашего времени (Алексеев, 2000). Человек получил больше эффективных способов разрушения, освоил современные технологии деструкции. В опасности сам человек и как отдельный представитель вида, и как личность.

Стремительное техническое усложнение мира не совпадает с темпами развития духовности и нравственности человечества, что влечет за собой обрыв корней и традиций, кризис и разрушение культуры, превозносящей и навязывающей безудержное потребление. Молодежь чаще других выражает свой протест против психологии потребительства западного общества, зачастую выбирая деструктивные виды активности. С одной стороны, в сегодняшнем мире человек обрел широкие возможности для самореализации и становления суверенной индивидуальности, с другой — над личностью нависла угроза атомизации и обезличивания (Гусейнов, 2016). Исследователи отмечают, что одна из главных проблем сегодня, представляющая опасность для человека и человечества, — людям может не хватить психологических ресурсов справиться с характером, темпами и требованиями преобразования социальной реальности (Журавлев, 2017).

К исключенности из общественных процессов, ощущениям личной неценности и отсутствия перспектив, потере чувства уважения себя ведут трудности личностного самоопределения (Cerutti, Enno, 2001; Dugas, 1910) в противоречивых условиях современности и не конструктивности (Знаков, 2010; Farberow, 1980; Farberow, 1966). Стойкое чувство неудовлетворенности, утраты иллюзий, неприятие собственной персоны — под воздействием этих признаков личность становится наиболее подвержена внешнему воздействию и влиянию, что в свою очередь задает траекторию движения в каком бы то ни было направлении. И таким направлением может стать непосредственное погружение в деструктивную деятельность, характеризующаяся рассогласованием потребностей и реальных возможностей их реализации, представлений о себе и мире (Костромина, 2017). Самоопределение личности может приобретать характер разрушительной деятельности в условиях нарастающих процессов отчуждения в процессе поиска своего места в обществе. В то же время деструктивная активность личности есть неоднозначный, сложный феномен и по ценностному и смысловому содержаниям, и по способам проявления (Канаева, 2012).

Интерес к изучению феномена деструктивной деятельности в науке высок (Алексеев, 2000; Лысак, 2006; Фромм, 2004; Bandura, 1973; Cerutti, Enno, 2001; Dugas, 1910; Farberow, 1980; Farberow, 1966; Cohen, 1973; Smith, Zahn, 1999; Schmid, 1983). Различные проявления деструктивной активности изучаются специалистами разных научных направлений: генетиками, биологами, историками, юристами, психиатрами, психологами, сексопатологами. Однако только системный подход в целостном изучении феномена деструктивности с применением данных исследований, получаемых узкими специалистами, может позволить постичь его сущность (Лысак, 2004). Несмотря на выраженный интерес ученых к проблеме деструктивной активности личности, отсутствуют однозначные трактовки терминов «деструктивность», «деструктивная активность».

Одно из системных исследований деструктивной деятельности личности было проведено И. В. Лысак (2006, 2007). Деструктивную деятельность человека автор опре-

деляет как специфическую форму активного отношения субъекта к миру или самому себе, основным содержанием которой является разрушение существующих объектов и систем. В качестве основной причины появления деструкции в поведении человека И. В. Лысак называет состояние фрустрации, возникающее в случае невозможности удовлетворения потребностей в принадлежности, признании самореализации. Автором предпринята попытка классификации деструктивных изменений личности. К частичным деструкциям структуры личности он относит патологическую деформацию личностных потребностей и мотивов, деструктивные изменения характера и темперамента, нарушение волевой регуляции поведения, нарастание аутизма, формирование неадекватной самооценки и нарушение межличностных отношений; к глубоким — амнестическое расстройство, тотальное слабоумие и психический ма-разм (Лысак, 2006).

Проблема изучения предпочтений личностью деструктивных видов активности актуальна, необходимо выявить психологические механизмы, которые запускают неблагоприятное развитие событий, допускаемых самой личностью как субъектом бытия для непосредственного достижения своих важных целей путем применения ненормативных, насильственных способов действий, реализуя позицию выбора через деструктивные формы активности.

В работах отечественных психологов выбор деструктивных видов активности личностью рассматривается в контексте возрастных кризисов как поведение, которое связано с нежеланием меняться и становиться автономной личностью, как привлечение внимания, как реакции в ответ на запреты взрослых, что не способствует удовлетворять потребности быть самостоятельными личностями (Болотова, 2012; Братусь, 2012).

Стремительность и текучесть современных изменений реальности бытия предлагает новые условия для реализации: мобильность личностной идентичности возрастает, меняя стили жизни, современный человек экспериментирует со своей идентичностью, с разными ее аспектами, трансформирует ее. И одним из важных аспектов личностной определенности, существенным видом которой является условие трансформации личностной идентичности, становится манипулирование общества с темой гендера, что способствует лишению личности характерных признаков принадлежности к определенному полу (Шишлова, 2012). В мировом научном сообществе значимой тенденцией развития психологии как науки является растущий интерес к проблемам личностного выбора, свободы, автономности и ответственности (В. В. Знаков, В. П. Зинченко, Д. А. Леонтьев, В. Е. Клочко, Т. В. Корнилова и др.). Особенная тема — направленная ломка сознания как результат информационной войны путем смещения идентичности через создаваемые ложные представления о социальной реальности, которые выгодны субъектам информационных войн (Фоменко, 2016). Цель информационных войн как одного из средств террора — лишение социальной ориентированности людей через непереносимый, переживаемый страх: разрушение социальной структуры, потеря человеком определенности социального лица, потеря чувства личностной идентичности, стирание социального Я личности, разрушение структуры социального действия, нарабатанного воспитанием и социализацией.

Современный человек, живя во взаимодействии и диалоге с окружающими другими людьми, борется за «самообраз» — в сегодняшнем мире это основная борьба. И человеку легко попасть в матрицу-схему «чужого действия» и «чужого господства», если у него как субъекта социальной реальности не сформированы

собственная философия устройства мира, собственные идеи и ясное чувство личностной идентичности, которые необходимы для поддержания принимаемого устойчивого «самообраза» (Чулкова, 2017).

В связи с этим актуальный вопрос сегодня — обеспечение не простого выживания, а полноценного аутентичного бытия (Фоменко, 2016) как предпочитаемый личностью способ личностной ресурсности существования в современной реальности для обеспечения себе выхода за пределы (транстенденцию) как «автора своей жизни» занимать позицию активного субъекта бытия (С. Л. Рубинштейн). Сегодня человек как отдельная личность рассматривается как потенциально более активный агент воздействия на структуру со-бытийности.

В первую очередь изменения, которые происходят в современном мире, затрагивают подростков, а не взрослых, так как их жизненный опыт мал, что, как следствие, может им не позволять смотреть на изменения в реальном мире конструктивно и зачастую способно приводить их к дезадаптации, проявляющейся через негативизм, агрессию, нарушение социальных норм и правил, поэтому закономерно увеличение работ по исследованию феномена деструктивного поведения молодежи (Гребенщикова, 2011). Следовательно, и в выборе конкретной возрастной группы для исследования мы руководствовались тем, что у молодежи с 16 до 18 лет параметры социальной активности и деструктивности проявляются наиболее ярко.

Организация и методы эмпирического исследования

Цель нашего исследования состояла в изучении личностных особенностей склонности подростков к деструктивным видам активности.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о неоднородности выборки подростков как по параметрам предпочтения личностью в выборе деструктивных видов активности, так и личностным и гендерным характеристикам.

В качестве методик исследования были применены: опросник склонности к отклоняющему поведению (А. Н. Орел), тест самооценки личных зависимостей (В. Леви); опросник «Диагностика аддиктивно-девиантных личностных типов» (Дж. М. Олдхэм, Луи Б. Моррис); методика С. Бэм в модификации О. Г. Лопуховой по определению психологического пола личности; анкета, разработанная Краснодарским отделением Института социологии Российской академии наук, посвященная отношению молодежи к политике.

В качестве методов математической обработки были использованы описательная статистика, проверка на неоднородность дисперсии с помощью критерия Ливиня (Levene' Test), параметрический метод сравнения двух независимых выборок с использованием t-критерия Стьюдента, кластерный анализ (иерархическая кластеризация, метод К-средних).

Организация работы: исследование проводилось на базе Государственного бюджетного профобразовательного учреждения «Кропоткинский техникум технологий и железнодорожного транспорта» города Кропоткина. В исследовании всего приняли участие 73 человека — студенты I–III курсов в возрасте 16–18 лет, из них 42 юноши и 31 девушка. Все учащиеся обучаются на базе основного общего образования с получением начального профессионального образования и полного общего среднего образования со сроком обучения 3 года.

Представление результатов эмпирического исследования

По итогам кластерного анализа в выборке было получено 5 кластеров:

- кластер 1–14 человек (19,2% из исследуемых), из них 9 юношей (21,4% из исследуемых юношей) и 5 девушек (16,1% из исследуемых девушек);
- кластер 2–15 человек (20,6% из исследуемых), из них 7 юношей (16,7% из исследуемых юношей) и 8 девушек (25,8% из исследуемых девушек);
- кластер 3–20 человек (27,4% из исследуемых), из них 20 юношей (47,6% из исследуемых юношей);
- кластер 4–5 человек (6,8% из исследуемых), из них 5 юношей (11,9% из исследуемых юношей);
- кластер 5–19 человек (26% из исследуемых), из них 1 юноша (2,4% из исследуемых юношей) и 18 девушек (58,1% из исследуемых девушек).

Кластер 1 — смешанный по полу, четвертый по распространенности.

Положительные значения (1,86 баллов) по маскулинности при отрицательных значениях по фемининности (–7,14 баллов) показывают маскулинность этой группы. Наиболее выражены из маскулинных черт умение самоутвердиться, сила личности и сила, из фемининных характеристик — уступчивость.

При повышенной установке на социальную желательность (тенденции демонстрировать строгое соблюдение социальных норм, умышленное стремление показывать себя в лучшем свете) выявлена предрасположенность респондентов к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, к иллюзорно-компенсаторному способу решения личностных проблем, ориентации на чувственную сторону жизни, выраженности «сенсорной жажды», гедонистически ориентированных норм и ценностей (показатели по шкале склонности к аддиктивному поведению выше 50 Т-баллов). Респонденты жестко контролируют любые свои поведенческие эмоциональные реакции и чувственные влечения.

Наиболее выражена зависимость у респондентов (на высоком уровне в форме устойчивого пристрастия) от родителей и общения; зависимость выше среднего уровня в эпизодических либо заметных, сформированных поведенческих пристрастиях — от тусовок, похвалы, успеха, друга (подруги); средний уровень в выраженных формах зависимостей и привязанностей и может быть преодолен самой личностью — кино-видео, музыка, фотография; начальный (невысокий) уровень зависимости — от известности, просмотра телевизора.

Из 14 аддиктивно-девиантных личностных характеристик большинство (11) выражено в пределах средних значений (бдительный, авантюрный, деятельный, драматический, чувственный, преданный, добросовестный, праздный, агрессивный, склонный к самопожертвованию, серьезный) при низкой выраженности одинокого, идеократического и самоуверенного типов.

Доминирующие типы — деятельный (8 баллов) и чувственный (выше 7 баллов), самые невысокие показатели по одинокому и самоуверенному типам, что характеризует респондентов как личностей, отличающихся чрезмерной активностью, их ужасает одиночество, склонны к саморазрушению и возникновению суицидальных мыслей. Они чувствительны к мнению других, свои мысли и чувства стараются скрывать, зачастую уклончивы, неконтактны, с низкой самоуверенностью.

Кластер 2 — смешанный по полу, третий по распространенности.

Положительные высокие значения по маскулинности (6,93 баллов) при низких положительных значениях по фемининности (0,27 баллов) позволяют охарактеризовать этот кластер как маскулинный. Наиболее выраженными чертами из маскулинных выступают умение самоутвердиться, сила личности, аналитичность,

внешняя сдержанность, способность действовать как лидер, сила и сила воли, из фемининных — склонность к проявлению чувств, обаяние и неиспользование резких, грубых выражений.

Большинство параметров склонности к отклоняющемуся поведению находятся в пределах низких значений (установка на социальную желательность, склонность к преодолению норм и правил, к аддиктивному и делинквентному поведению). Повышенные показатели склонности к самоповреждающему, саморазрушающему поведению (выше 50 Т-баллов) могут свидетельствовать о низкой ценности собственной жизни, склонности к риску, выраженной потребности в острых ощущениях, а также о садомазохистских тенденциях. Показатели выше 50 Т-баллов по шкале склонности к агрессии и насилию свидетельствуют о наличии у респондентов агрессивных тенденций. Респонденты склонны контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций. При этом лишь респонденты 2-го кластера продемонстрировали полное отсутствие склонности скрывать собственные нормы и ценности и корректировать свои ответы в направлении социальной желательности.

Наиболее выражена у респондентов зависимость (на высоком уровне в форме устойчивого пристрастия) от родителей и общения; зависимости выше среднего уровня в эпизодических либо заметных, сформированных поведенческих пристрастиях — от тусовок, похвалы, успеха, друга (подруги), компьютерных игр; средний уровень в выраженных формах зависимостей и привязанностей и может быть преодолен самой личностью — известность, кино-видео; начальный (невысокий) уровень зависимости — телевизор, музыка, фотография.

Из аддиктивно-девиантных личностных характеристик 10 находятся в зоне средних значений (бдительный, одинокий, деятельный, драматический, самоуверенный, чувственный, преданный, праздный, агрессивный, склонный к самопожертвованию) при низкой выраженности идеократического, авантюрного, добросовестного и серьезного типов.

Доминирующие типы — бдительный, деятельный, преданный и агрессивный (в пределах 6 баллов), самые невысокие показатели по добросовестному и серьезному типам, что характеризует их как одаренных наблюдателей с чрезмерной активностью, с потребностью быть ведомыми, с повышенными значениями агрессивности, при этом им не свойственны серьезность и добросовестность.

Кластер 3 — мужской, самый распространенный.

Высокие положительные значения по маскулинности (8,05 баллов) и отрицательные по фемининности (–1,40 баллов) позволяют определить этот кластер как маскулинный. Из маскулинных характеристик наиболее выражены умение самоутвердиться, сила личности, мужественность, сила, смелость, сила воли и выносливость, из фемининных — уступчивость, склонность к проявлению чувств, стремление утешить и терпимость.

По опроснику А. Н. Орла значения выше среднего выявлены по шкале установки на социальную желательность. Остальные параметры находятся в пределах низких значений. Склонность волевого контроля эмоциональных реакций также на низком уровне, что говорит о жестком самоконтроле любых поведенческих эмоциональных реакций и чувственных влечений. Отсутствие высоких и средних показателей по шкале склонности к агрессии и насилию свидетельствует о неприемлемости у респондентов насилия как средства решения проблем. Респонденты жестко контролируют любые свои поведенческие эмоциональные реакции и чувственные влечения.

На высоком уровне в форме устойчивого пристрастия — зависимостей не выявлено; выше среднего уровня в эпизодических либо заметных, сформированных поведенческих пристрастиях — зависимости от родителей, общения, тусовок, похвалы, друга (подруги), компьютерных игр; средний уровень в выраженных формах зависимостей и привязанностей и может быть преодолен самой личностью — успех, кино-видео; на начальном (невысоком) уровень зависимости — известность, телевизор, музыка, фотография.

Из 14 аддиктивно-девиантных личностных характеристик средние показатели выявлены по девяти шкалам (бдительному, авантюрному, деятельному, самоуверенному, чувственному, преданному, праздному, агрессивному и серьезному типам) при низкой выраженности одинокого, идеократического, драматического, добросовестного и типа, склонного к самопожертвованию.

Доминирующие типы — деятельный (8 баллов), чувственный и агрессивный (выше 7 баллов), самые невысокие показатели по добросовестности. Могут проявлять неуравновешенность при повышенных переменных: социальном самоограничении, внимании к отрицательной оценке.

Кластер 4 — мужской, наименее распространенный.

Отрицательные значения маскулинности (–7,00 баллов) и фемининности (–21,80 баллов) позволяют отнести эту группу к недифференцированному психологическому полу личности. Из маскулинных характеристик наиболее выражены умение самоутвердиться и сила воли, из фемининных — уступчивость и доверчивость. Недифференцированность психологического пола — явление довольно редкое и отражает трудности в адаптации субъекта к специфике социокультурной среды: несоответствие глубинных этноспецифических полоролевых установок субъекта идеальным образам маскулинности и феминности, которые он усваивает в процессе социализации через средства массовой информации (образы литературных, кино- и телегероев, образы кумиров, созданные на основе западноевропейских стереотипов и систем ценностей). Как правило, недифференцированный психологический пол личности проявляется в низкой оценке или отрицании у себя и мужественности, и женственности.

Выше среднего выявлены лишь показатели по шкале установки на социальную желательность, ниже среднего — по шкалам склонности к преодолению норм и правил, склонности к аддиктивному, самоповреждающему, саморазрушающему и делинквентному поведению; низкие показатели — по шкалам склонности к агрессии и насилию. Респонденты жестко контролируют любые свои поведенческие эмоциональные реакции и чувственные влечения.

На высоком уровне в форме устойчивого пристрастия выявлена зависимость от родителей; выше среднего уровня в эпизодических либо заметных, сформированных поведенческих пристрастиях — зависимости от общения, похвалы, успеха, друга (подруги), компьютерных игр; средний уровень в выраженных формах зависимостей и привязанностей и может быть преодолен самой личностью — тусовок, кино-видео; начальный (невысокий) уровень зависимости — известность, телевизор, музыка, фотография.

Из 14 аддиктивно-девиантных личностных характеристик средние показатели выявлены по девяти типам (бдительному, деятельному, драматическому, самоуверенному, чувственному, преданному, праздному, агрессивному, склонному к самопожертвованию) на фоне низких значений одинокого, идеократического, авантюрного, добросовестного, серьезного типов.

Доминирующие типы — деятельный (выше 9 баллов) и агрессивный (выше 7 баллов), самые невысокие показатели — идеократический тип и серьезность, что характеризует их следующим образом: они не мечтатели, но и серьезность им не свойственна, они активны, но избегают нововведений, замкнуты, не уравновешенны, могут быть подвержены гневу, самоуничтожению, беспокойству, сильному саморазрушению. Они отчаянные, импульсивные и неуравновешенные.

Кластер 5 — условно женский, второй по распространенности.

Отрицательные значения маскулинности (–5,63 баллов) и положительные по фемининности (9,42 баллов) позволяют отнести этот кластер к фемининному. Из маскулинных характеристик выражены лишь умение самоутвердиться и сила воли, из фемининных — уступчивость, склонность к проявлению чувств, нежность, женственность, мягкость в высказываниях и стремление утешить.

У респондентов выявлен высокий уровень выраженности установки на социальную желательность при низком уровне выраженности склонности к преодолению норм и правил, и несформированных тенденций волевого контроля своих потребностей и чувственных влечений. Высокие значения по шкале социальной желательности могут свидетельствовать о высокой настороженности респондентов этого кластера по отношению к психодиагностической ситуации. Респонденты жестко контролируют любые свои поведенческие эмоциональные реакции и чувственные влечения.

На высоком уровне в форме устойчивого пристрастия выявлена зависимость от родителей, общения, похвалы, успеха, друга (подруги); выше среднего уровня в эпизодических либо заметных, сформированных поведенческих пристрастиях — зависимость от тусовок, компьютерных игр; средний уровень в выраженных формах зависимостей и привязанностей и может быть преодолен самой личностью — известность, кино-видео, музыка, фотография; начальный (невысокий) уровень зависимости — телевизор.

Из личностных аддиктивно-девиантных акцентуаций высокие показатели выявлены по бдительному типу; средние показатели — по восьми типам (авантюренному, деятельному, драматическому, самоуверенному, чувственному, преданному, праздному и агрессивному); низкие показатели — по одиночному, идеократическому, добросовестному, склонному к самопожертвованию и серьезному типам.

Доминирующая характеристика респондентов 5-го кластера — деятельны (выше 8 баллов), бдительны, преданны, чувственны (выше 7 баллов), не свойственно чувство одиночества, драматизировать и быть добросовестными. При выраженной неуравновешенности, склонности к гневу, самоуничтожению, беспокойству, неуверенности и сильному саморазрушению они часто ожидают от других только плохого, подозрительны, бескомпромиссны, убеждены в своей правоте, всегда ожидают неприятностей от враждебной Вселенной, опасности, исходящей от других людей.

Для респондентов пяти кластеров характерны разные ответы на вопросы анкетирования:

— авторитетными людьми, с которых готовы брать пример и к которым готовы прислушиваться, респонденты всех кластеров считают своих родителей (опекунов), других родственников или старших братьев и сестер, что может говорить о хороших взаимоотношениях в семьях респондентов или о зависимости от них;

— в трудных ситуациях все респонденты пытаются сами искать выход и обдумывать ситуацию. За поддержкой к родителям и друзьям выбирают обращаться

большинство респондентов только 3, 4 и 5-го кластеров, хотя родители для всех авторитеты. Респонденты 1-го кластера выбирают обращаться за советом к друзьям, хотя, судя по ответам, друзья не входят в круг людей, к которым стоит прислушиваться. Отметим тот факт, что респонденты 4-го кластера вообще не рассматривают родителей как помощников в трудных ситуациях, мало ответов об обращениях к друзьям, им свойственно не общаться, «уходить в себя», Интернет или игры;

- в современной жизни нужно быть сильными и уверенными в себе, так считают большинство всех респондентов, кроме 4-го кластера, которым важно быть хитрыми и нечестными;

- в современной жизни хуже всего приходится человеку слабому, глупому и доверчивому, считают большинство всех респондентов. По мнению респондентов 4-го кластера еще и доброму, непонятливому и несообразительному. 1-й и 5-й кластеры отметили качество — необразованность, а в кластере 2 отметили бедность;

- личное участие в конфликтах с людьми других наций представляют себе возможным большинство респондентов 4-го кластера (уточнение, нации указаны — цыгане и армяне). Остальные либо испытывают затруднения с ответом, либо ни при каких обстоятельствах не будут участвовать;

- подтолкнуть к участию в конфликтах большинство респондентов могут насилие и вызывающее, агрессивное поведение людей;

- участвовать в протестах и митингах против власти большинство респондентов не будут, кроме респондентов 1-го кластера, которые выразили в ответах сомнение (скорее всего нет);

- при этом все респонденты отметили факторы, которые могут подтолкнуть их к участию в таких акциях и митингах, среди которых экономические, несущие ущерб обществу и нации;

- на исходящий от друзей призыв участвовать в таких акциях откликнется большая часть всех респондентов, кроме кластера 4, который в большинстве не захотел отвечать.

Исходя из сказанного, можем сделать вывод о том, что у респондентов выявлены разные отличительные характерные особенности в выборе разных форм деструктивной активности.

Выводы

Основные результаты эмпирического исследования можно представить в виде следующих положений.

В выборке получено 5 кластеров, из них два смешанных по полу, два — мужских и один — женский. В целом кластеры отличаются друг от друга по степени выраженности как параметров отклоняющегося поведения, так и личностным характеристикам.

Кластер 1 (смешанный по полу) — деятельные, чувственные андрогины, с выраженной установкой на социальную желательность, склонные к аддиктивному поведению, с выраженной зависимостью от родителей и общения. В трудной ситуации самостоятельно ищут выход.

Кластер 2 (смешанный по полу) — деятельные, преданные, агрессивные маскулины, склонные к агрессии при полном отсутствии склонности скрывать собственные нормы и ценности с выраженной зависимостью от родителей и общения. В трудной ситуации обращаются за поддержкой родителей.

Кластер 3 (мужской, самый распространенный в выборке) — деятельные, чувственные, агрессивные маскулины, с выраженной установкой на социальную желательность, контролирующие любые свои поведенческие эмоциональные реакции и чувственные влечения, без выраженных зависимостей. В трудной ситуации самостоятельно ищут выход. Отсутствие повышенных показателей по опроснику А. Н. Орла и тесту самооценки личных зависимостей позволяет отнести этот кластер к эталонным.

Кластер 4 (мужской, наименее распространенный) — сверхдеятельные (при одновременной склонности к замкнутости и подверженности садистскому расстройству), агрессивные, с недифференцированным психологическим полом личности, с выраженной установкой на социальную желательность и волевым контролем поведенческих проявлений эмоциональных реакций, с выраженной зависимостью от родителей. В трудной ситуации склонны «уходить в себя». При исключительных обстоятельствах готовы на личное участие в конфликте с людьми других наций, религий.

Кластер 5 (условно женский) — бдительные, деятельные, чувственные, преданные феминины с выраженной установкой на социальную желательность, жестко контролирующие любые свои поведенческие эмоциональные реакции и чувственные влечения, с выраженной зависимостью от родителей, общения, похвалы и успеха. В трудной ситуации самостоятельно ищут выход.

Полученные нами результаты в процессе исследования позволяют утверждать, что выдвинутое нами предположение нашло свое подтверждение. Действительно, имеются выраженные личностные особенности склонности подростков к деструктивным видам активности, причем выделяются пять личностных типов проявления этой активности, лишь один из которых (3-й кластер) демонстрирует нормативную активность, остальные четыре — разные виды деструктивной активности:

- кластер 1 (смешанный по полу) — аддиктивное поведение, зависимость от родителей и общения;
- кластер 2 (мужской) — агрессию, зависимость от родителей;
- кластер 4 (мужской) — сверхдеятельность (при одновременной склонности к замкнутости и подверженности садистскому расстройству), агрессию, склонность к конфликтному реагированию;
- кластер 5 (женский) — бдительность, чувственность, преданность, зависимость от похвалы и успеха.

Теоретическая и практическая значимость

Выявленные особенности позволяют расширить имеющиеся представления о причинах и особенностях проявления личностью деструктивных видов активности. Учет выявленных нами особенностей личностных стилей позволит своевременно определять группы риска в среде молодежи, предрасположенные к выбору деструктивных видов активности, и организовать адекватное психолого-педагогическое сопровождение подростков, склонных к деструктивным видам активности. Вместе с тем следует отметить, что комплексный анализ многогранной проблемы деструктивной активности личности в расширяющемся и стремительно приобретающем качественно новые формы пространстве социального взаимодействия требует развития линии междисциплинарного анализа. Реализация такого подхода позволит объединить психологические, педагогические, социологические, медицинские

и прочие концепции, традиции и школы в едином поиске ответов на актуальные вопросы раскрытия потенциала личности через социально приемлемые виды и формы активности.

Библиографический список

- Абульханова-Славская, К. А. (1991). *Стратегия жизни*. Москва: «Мысль».
- Алексенко, Н. Н. (2000). Психоаналитические аспекты поведения человека в киберпространстве. *Журнал практической психологии и психоанализа*, 3, 25–26.
- Болотова, А. К. (2012). *Психология развития и возрастная психология*. Москва: дом Высшей школы экономики.
- Братусь, Б. С. (2012). *Аномалии личности*. Москва: Книга по требованию.
- Гребенщикова, Л. Г. (2011). К вопросу о соотношении понятий «деструктивное», «агрессивное» и «девиантное» поведение. В *Сборник конференций НИЦ Социосфера* (с. 61–67).
- Гусейнов, А. Ш. (2016). *Протестная активность личности* (Автореферат кандидатской диссертации). Краснодар.
- Журавлёв, А. Л. (2017). *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН.
- Знаков, В. В. (2010). *Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Канаева, Н. А. (2012). Активность как ценное качество самоопределяющейся личности. В *Психологические науки: теория и практика: материалы Международной научной конференции* (102–104). Москва: Буки-Веди.
- Костромина, С. Н. (2017). Психологические аспекты взаимодействия поколений при освоении цифрового пространства. В А. О. Прохорова (ред.) *Материалы съезда Российское психологическое общество* (с. 60–63). Казань: Изд-во Казанского ун-та.
- Леонтьев, Д. А. (2005). Новые горизонты проблемы смысла в психологии. В Д. А. Леонтьев (ред.) *Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): материалы международной конференции* (с. 36–49) Москва: Смысл.
- Литвинова, О. Ю. (2017). Психологическая готовность к экстремальным условиям с позиций психологии субъекта. В А. О. Прохорова *Материалы съезда Рос. психолог. общ.* Казань: Издательство Казанского университета.
- Лысак, И. В. (2004). *Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека*. Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ.
- Николенко, О. Ф. (2017). Ценностно-смысловые ориентиры личности В А. О. Прохорова *Материалы съезда Рос. психолог. общ.* Казань: Издательство Казанского университета.
- Ожигова, Л. Н. (2006). *Гендерная идентичность личности* (Автореферат кандидатской диссертации). Краснодар.
- Ожигова, Л. Н. (2006). Психология гендерной идентичности личности. В *Труды психологов КубГУ*. Краснодар: М-во образования и науки РФ, Кубанский гос. ун-т.
- Рябикина, З. И. (2017). Субъектно-бытийный подход к исследованию современных проблем личности В А. О. Прохорова *Материалы съезда Рос. психолог. общ.* (с. 324–326). Казань: Издательство Казанского университета.
- Рябикина, З. И. (2017). Личность как субъект в условиях нарастающих изменений реальности. В А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова (ред.) *Сборник статей: Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития*. Москва: Институт психологии РАН.
- Рябикина, З. И. (2009). Субъектно-бытийный подход: преемственность традиций. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 26–37.

- Фоменко, Г. Ю. (2017). Теоретико-методологические проблемы прикладных практик юридической психологии В А. О. Прохорова *Материалы съезда Рос. психолог. общ.* (с. 309). Казань: Издательство Казанского университета.
- Фоменко, Г. Ю. (2010). Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 83–99.
- Фоменко, Г. Ю. (2016). Самоопределение личности в контексте проблем безопасности. В И. Б. Шуванов (ред.) *Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков: сборник материалов VII Всеросс. науч. Семинара* (с. 120–126) Сочи: СГУ.
- Фоменко, Г. Ю. (2016). Современная социокультурная реальность и психология безопасности личности в контексте субъектно-бытийного подхода. В З. И. Рябикина, В. В. Знаков (ред.) *Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всерос. науч.-практ. конф.* (с. 21–26). Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Фромм, Э. (2004). *Анатомия человеческой деструктивности*. Москва: М.: АСТ.
- Хачатурова, М. Р. (2017). Привязанность к дому и выбор стратегий совладания в юношеском возрасте. В А. О. Прохорова (ред.) *Материалы съезда Рос. псих. общ.* (с. 92–93). Казань: Издательство Казанского университета.
- Чулкова, О. Р. (2017). Особенности предпочтения видеоблогов в молодежной среде. В *Инновационные технологии в науке и образовании: материалы Международной научно-практической конференции* (с. 253–254). Чебоксары: Интерактив Плюс.
- Шишлова, Е. Э. (2012). Трансформация гендерной идентичности: социально-психологический аспект. *Вестник МГИМО Университета*, 1, 204–210.
- Bandura, A. (1973). *Aggression: A Social-learning Analysis*. Englewood Cliffs. New York: Prentice-Hall.
- Bauman, Z. (1992). *Intimations of Postmodernity*. London: Routledge.
- Cerutti, F., Enno, R. (2001). *A Soul for Europe*. V. 1. Leuven. Peeters
- Cohen, S. (1973). Destruction of Property: Motives and meYanings. In C. Ward (Ed.) *Vandalism*. London: The Architectural Press.
- Dugas, L. (1910). *De Psych Norm Et Path*. Paris.
- Farberow, N. L. (1966). *Taboo Subjects*. New York: Atherton Press.
- Farberow, N. L. (1980). *The Many Faces of Suicide*. New York: McGraw-Hill.
- Schmid, A. P. (1983). *Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Databases and Literature*. USA: Distributors, Transaction Books
- Smith, M. D., Zahn, M. A. (1999). *Homicide: A Sourcebook of Social Research*. Thousand Oaks CA: Sade.

Статья поступила в редакцию 17.08.2020

Статья принята к публикации 12.09.2020

Для цитирования: Харитонова Е. В., Суслина Е. В. Личностные особенности склонности подростков к деструктивным видам активности. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2020. Т. 21. № 3. С. 97–111.

CHARACTERISTICS OF TEENAGERS ' PROPENSITY TO DESTRUCTIVE TYPES OF ACTIVITY

E. V. Kharitonova, E. V. Suslina

Evgeniya V. Kharitonova.

E-mail: veva_2000@mail.ru. ORCID 0000-0002-8222-2162

Suslina Elena Valerievna.

E-mail: elena.suslina2012@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1000-2320

Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Russia, 350040, Krasnodar.

Abstract. The article presents the results of empirical research into the personality characteristics of adolescents' propensity for destructive activities. It has been demonstrated that the rapid technological complexity of the world does not coincide with the pace of the development of spirituality and morality of mankind. This entails a break in roots and traditions, a crisis and the destruction of a culture that extols and imposes unbridled consumption. Young people are more likely to express their protest against the psychology of the Western society consumerism and often choose destructive activities. The hypothesis of the study was that the sample of adolescents was heterogeneous both by type of personal preference for destructive activities and by personal and gender characteristics. The study methods used were: The Inclination Questionnaire (A. N. Orel), the Personal Dependency Self-assessment Test (V. Levy); the questionnaire «Diagnostics of Additive-Deviant Personality Types» (J. M. Oldham, Louis B. Morris); the S. Bam method modified by O. G. Lopukhova on the determination of the psychological gender of the individual, and a questionnaire developed by the Krasnodar branch of RAS Institute of Sociology on the attitude of young people to politics. In the cluster analysis, five clusters were sampled, of which two were mixed by sex, two were male and one was female. In general, clusters differ in the degree of expression of both the variation parameters and the personality characteristics. Of the five personality types of behavior of teenagers with varying propensity for destructive activity, only one (cluster 3) exhibits normative activity. The other four clusters exhibit different types of destructive activity: cluster 1 (mixed by sex) — addictive behavior, dependency on parents and communication; cluster 2 (male) — aggression, dependence on parents; cluster 4 (male) — super activity (with concurrent inclination towards isolation and susceptibility to sadistic disorder), aggression, conflict-prone response; cluster 5 (female) — vigilance, sensuality, loyalty, dependence on praise and success. The features identified allow for the expansion of the understanding of the causes and characteristics of personality manifestations of destructive activities. The article shows that the features identified allow to timely identify the risk groups among youth who are prone to destructive activities and to organize adequate psychological and pedagogical support for them.

Keywords: teenagers, destructive activity, propensity to deviant behavior, personal addiction, antagonistic and deviant personalities, the psychological gender of the individual; attitudes of the youth towards politics.

DOI: 10.31429/26190567-21-3-97-111

References

- Abul'khanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Strategiya zhizni* (Life Strategy). Moscow: "Mysl".
- Aleksenko, N. N. (2000). Psikhooanaliticheskiye aspekty povedeniya cheloveka v kiberprostranstve [Psychoanalytic Aspects of Human Behavior in Cyberspace]. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], 3, 25–26.
- Bandura, A. (1973). *Aggression: A Social-learning Analysis*. Englewood Cliffs. New York: Prentice-Hall.
- Bauman, Z. (1992). *Intimations of Postmodernity*. London: Routledge.
- Bolotova, A. K. (2012). *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya* [Psychology of Development and Age Psychology]. Moscow: dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Bratus', B. S. (2012). *Anomalii lichnosti* [Anomalies of Personality]. Moscow: Kniga po trebovaniyu.
- Cerutti, F., Enno, R. (2001). *A Soul for Europe*. V. 1. Leuven. Peeters
- Chulkova, O. R. (2017). Osobennosti predpochteniya videoblogov v molodezhnoy srede [Video Blog Preferences in the Youth Environment]. In *Innovatsionnyye tekhnologii v nauke i obrazovanii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Innovative Technologies in Science and Education] (pp. 253–254). Cheboksary: Interaktiv Plyus.
- Cohen, S. (1973). Destruction of Property: Motives and meanings. In C. Ward (Ed.) *Vandalism*. London: The Architectural Press.
- Dugas, L. (1910). *De Psych Norm Et Path*. Paris.
- Farberow, N. L. (1966). *Taboo Subjects*. New York: Atherton Press.
- Farberow, N. L. (1980). *The Many Faces of Suicide*. New York: McGraw-Hill.

- Fomenko, G. Yu. (2010). *Psikhologiya bezopasnosti lichnosti: teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya institutsionalizatsii* [Psychology of Personal Security: Theoretical and Methodological Foundations of Institutionalization]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 1, 83–99.
- Fomenko, G. Yu. (2016). Samoopredeleniye lichnosti v kontekste problem bezopasnosti []. Self-Determination of the Individual in the Context of Security Problems]. In I. B. Shuvanov (Ed.) *Psikhologiya bezopasnosti i psikhologicheskaya bezopasnost': problemy vzaimodeystviya teoretikov i praktikov: sbornik materialov VII Vseross. nauch. Seminara* [Security Psychology and Psychological Security: Problems of Interaction between Theorists and Practitioners: Collection of Materials of the VII All-Russian Scientific Seminar] (pp. 120–126) Sochi: SGU.
- Fomenko, G. Yu. (2016). Sovremennaya sotsiokul'turnaya real'nost' i psikhologiya bezopasnosti lichnosti v kontekste sub'yektno-bytiynogo podkhoda [Modern Socio-Cultural Reality and the Psychology of Personal Security in the Context of Subjective Approach]. In Z. I. Ryabikina, V. V. Znakov (Eds.) *Lichnost' i bytiye: chelovek kak sub'yekt sotsiokul'turnoy real'nosti* [Identity and Being: The Human Being as a Subject of Sociocultural Reality] (pp. 21–26). Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet.
- Fomenko, G. Yu. (2017). Teoretiko-metodologicheskiye problemy prikladnykh praktik yuridicheskoy psikhologii [Theoretical and Methodological Problems of Applied Practices in Law Psychology]. In A. O. Prokhorova (Ed.) *Materialy s'yezda Rossiyskoye psikhologicheskoye obshchestvo* [Proceedings of the Russian Psychological Society Congress] (pp. 309–311). Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Fromm, E. (2004). *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of Human Destruction]. Moscow: M.: AST.
- Grebenshchikova, L. G. (2011). K voprosu o sootnoshenii ponyatiy "destruktivnoye", "agressivnoye" i «deviantnoye» povedeniye [On the Correlation of the Concepts "Destructive", "Aggressive" and "Deviant" Behavior]. In *Sbornik konferentsiy NITS Sotsiosfera* [SIC Sociosphere Conference Collection] (pp. 61–67).
- Guseynov, A. Sh. (2016). *Protestnaya aktivnost' lichnosti* [Personality Protest Activity] (Abstract of Candidate Dissertation). Krasnodar.
- Kanayeva, N. A. (2012). Aktivnost' kak tsennoye kachestvo samoopredelyayushchey sichy lichnosti [Activity as a Valuable Quality of a Self-Identifiable Person]. In *Psikhologicheskiye nauki: teoriya i praktika: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Psychological Sciences: Theory and Practice: Proceedings of the International Scientific Conference] (pp. 102–104). Moscow: Buki-Vedi.
- Kostromina, S. N. (2017). Psikhologicheskiye aspekty vzaimodeystviya pokoleniy pri osvoyenii tsifrovogo prostranstva [Psychological Aspects of Intergenerational Interaction in the Development of Digital Space]. In A. O. Prokhorova (Ed.) *Materialy s'yezda Rossiyskoye psikhologicheskoye obshchestvo* [Proceedings of the Russian Psychological Society Congress] (pp. 60–63). Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Khachaturova, M. R. (2017). Privyazannost' k domu i vybor strategiy sovladaniya v yunosheskom vozraste [Attachment to Home and Choice of Coping Strategies in Adolescence]. In A. O. Prokhorova (Ed.) *Materialy s'yezda Rossiyskoye psikhologicheskoye obshchestvo* [Proceedings of the Russian Psychological Society Congress] (pp. 92–93). Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Leont'yev, D. A. (2005). Novyye gorizonty problemy smysla v psikhologii [New Horizons of the Problem of Meaning in Psychology]. In D. A. Leont'yev (Ed.) *Problema smysla v naukakh o cheloveke (k 100-letiyu Viktora Frankla): materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [The Problem of Meaning in Human Sciences (on the 100th Anniversary of Victor Frankl. Proceedings of the International Conference] (pp. 36–49) Moscow: Smysl.
- Litvinova, O. Yu. (2017). Psikhologicheskaya gotovnost' k ekstremal'nym usloviyam s pozitsiy psikhologii sub'yekta [Psychological Preparedness for Extreme Conditions from the Subject's Psychology Stand]. In A. O. Prokhorova (Ed.) *Materialy s'yezda Rossiyskoye psikhologicheskoye obshchestvo* [Proceedings of the Russian Psychological Society Congress] (pp. 102–104). Moscow: Buki-Vedi.

- obshchestvo* [Proceedings of the Russian Psychological Society Congress]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Lysak, I. V. (2004). *Filosofsko-antropologicheskii analiz destruktivnoy deyatel'nosti sovremennogo cheloveka* [Philosophical and Anthropological Analysis of the Destructive Activity of Modern Man]. Taganrog: Izd-vo SKNTS VSH, Izd-vo TRTU.
- Nikolenko, O. F., Lomova, N. V. (2017). Tsennostno-smyslozhiznennyye oriyentiry lichnosti [Values and Values of Identity]. In A. O. Prokhorova (Ed.) *Materialy s''yezda Rossiyskoye psikhologicheskoye obshchestvo* [Proceedings of the Russian Psychological Society Congress]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Ozhigova, L. N. (2006). *Gendernaya identichnost' lichnosti* [Gender Identity of the Individual] (Abstract of Candidate Dissertation). Krasnodar.
- Ozhigova, L. N. (2006). Psikhologiya gendernoy identichnosti lichnosti [Psychology of the Gender Identity of the Individual]. In *Trudy psikhologov KubGU* [Works of Psychologists of Kuban State University]. Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. Krasnodar: M-vo obrazovaniya i nauki RF, Kubanskiy gosudarsivennyy universitet.
- Ryabikina, Z. I. (2009). Sub'yektno-bytiyny podkhod: preymstvennost' traditsiy [Subject-Being Approach: Continuity of Traditions]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 4, 26–37.
- Ryabikina, Z. I. (2017). Lichnost' kak sub'yekt v usloviyakh narastayushchikh izmeneniy real'nosti [The Individual as a Subject in the Face of Increasing Changes in Reality]. In A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'tsova (Eds.) *Sbornik statey: Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya sovremennoy psikhologii. Rezul'taty i perspektivy razvitiya* [Collection of Articles: Basic and applied Research on Modern Psychology. Results and Prospects of Development]. Moscow: Institut psikhologii RAN.
- Ryabikina, Z. I. (2017). Sub'yektno-bytiyny podkhod k issledovaniyu sovremennykh problem lichnosti [Subjective-existential Approach to the Study of Contemporary Personality Problems]. In A. O. Prokhorova (Ed.) *Materialy s''yezda Rossiyskoye psikhologicheskoye obshchestvo* [Proceedings of the Russian Psychological Society Congress] (pp. 324–326). Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Schmid, A. P. (1983). *Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Databases and Literature*. USA: Distributors, Transaction Books
- Shishlova, Ye. E. (2012). Transformatsiya gendernoy identichnosti: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [Social Psychology of Gender Identity Transformation]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 1, 204–210.
- Smith, M. D., Zahn, M. A. (1999). *Homicide: A Sourcebook of Social Research*. Thousand Oaks CA: Sage.
- Zhuravlev, A. L. (2017). Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya [Basic and Applied Research on Modern Psychology: Results and Perspectives]. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".
- Znakov, V. V. (2010). *Psikhologiya sub'yekta i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of the Subject and Psychology of Human Existence: Monograph]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet.

Received 17.08.2020.

Accepted 12.09.2020

For citation: Kharitonova E. V., Suslina E. V. Characteristics of Teenagers' Propensity to Destructive Types of Activity. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2020. Vol. 21. No. 3. Pp. 97–111.

© 2020 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).